престоле, яко аз сему узаконена наследница, собственной руки вашего величества подписано и мне присягой утверждено. Молю твою благость! Даруй живот осужденному оному, истинно достойному дать живот для сей настоящей радости и моего здравия». Ответ прияла таков: «Преобидила сим прошением мою честь. О том ругатели чести моей в лице мое мне нанесенно. Живота просиши и несть вины таковые, коея ради могла убеждена быть до сего прошения». Ответ: «Дражайши отче и государь мой! аз ниедино сего дерзновения и прошения виновна и всех предстоящих лицу твоему». В которое время все вдруг на колени || встав и молителное про- л. 275
шение простирающе, да дарует живот для такова дня и здравия государыни королевны и государственныя ползы, яко весма достоин помилования, и полза в нем государственная. А ежели таковых высоких наук могли слышать, кои ныне уже многия познали чрез сего, и паки выщыи сих умом недостижимый и неведомы и поныне обещает явить и тою науку обучать». Тогда королевна поклонися и поцелова отца своего короля в ногу. Тогда король болше не мог терпеть, взем ея, и от земли повеле востать. Она же твердо держаше ногу отца своего: «Не востану, дондеже моего прошения не исполниш». На что прияла таков ответ: «Дарую ему любве ради твоея живот». И повеле ему пред себя быть. Она же радостно возда благодарение, и все министры купно благодарили же. Тогда оный оборкаморгер пришед пред короля в богатом в цесарском уборе. Тогда обявил ему: «Дарую живот прошения ради || дшери моей». И тогда, став на колени, л. 275 об.
толико сотворил ему благодарение и при том похвалу с прилогом древним историй сладкоречиво. Потом говорил, что прежде естественным родителем был рожден и воспитан,[42] и государю моему служил верно, и за верную мою службу живота достоина лишился. Ныне же всемилостивейшим государем моим королевским величеством паки от смерти в живот рожден, которому тако верно должен во всю мою жизнь служить и верен быть. И аще время приведет, за честь ево готов яко же умрети. И отныне раб великаго государя королевского величества аглинского». Ис которых ево слов позна его король верную услугу и острость разума. И рад тому бысть, что за неведением благо, что не умертвив. И повеле ему той день пред собою быть, а наипаче бысть радость паче настоящей радости. И рада бысть королевна сему. Егда отшел стол, то оной оборкаморгер, || пришед л. 276
до королевны с великим комплементом[43] и просил до танца, которая на то соизволила. И так искусно и политично тонцевал, что всех удивление превозшло, и никогда такова чинна и тол высокого тонца дотоле кто видел. И так королевна тому была рада, что хотя и во весь день тонцевать, в тягость зело не вменила бы. И потом со многими дамами и порознь тонцевал, что самим музыкантом музыке помешал, что зрением и насыщением видя науку свою отпустила. Он же пришед, взя арфу и направил, толь играл сладко, спевал многие амурные любителныя спевания, что нежели от предстоящих дам ум умрачен тогда был. Кой мужеска полу, всех на любление и на зрение до себя привел и похоть огня во всех так возжег, что уже были бы растаеватися их крепости, из дамских жен персонь такоже пот излияся. Что познав, и преста на арфе играть и спевать. И потом на всех || тол высоко и учтиво играл, что видя, король призвал его пред себя л. 276 об.
и даде ему чин прежни — оборкамергер. И повеле пред собою всегда быть и во всех делах своих име его, яко острое оружие. И за такие его верные службы имел его аки верное свое око, и пожаловал его тайным действителным советником и ковалером, в чем никто ни завидовал, а всяк к тому радовался, дабы им был тол премудрыи государь. И потом король поло-

[42] *Испр., в ркп.* воспитав.
[43] *Испр., в ркп.* комементом.